

Уоллес Олстон

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ХРИСТИАНСКОЙ НАДЕЖДЕ

Прежде чем приступить к докладу на заявленную тему, мне бы хотелось выразить свою радость находиться с вами эти несколько дней и благодарность за приглашение выступить перед вами на этой конференции. Для меня большая честь быть среди вас, и я надеюсь, что за этой встречей последует много новых встреч между богословами наших стран. И я хочу выразить вам не только наилучшие пожелания, но и признательность. Я молюсь о том, чтобы Бог и впредь посылал Свое благословение на вас, на вашу Церковь и ваше призвание, которое дано только вам в это время и в этом месте.

Не в порядке извинения, а для внесения определенности и ясности начну с того, что я являюсь священнослужителем Пресвитерианской Церкви Соединенных Штатов Америки, представителем так называемой реформатской традиции, отражающей теологический дух швейцарской Реформации XVI столетия, особенно трудов Жана Кальвина. Когда я прочел список предлагаемых тем, мне стало ясно, что «Церковь и общество» — это именно та тема, которую уместно выбрать теологу-реформату. Итак, предлагаю вашему вниманию свои мысли о Церкви и обществе со следующим подзаголовком: «Прагматический подход к христианской надежде».

1.

Реформатская традиция, как, может быть, вам известно, определяется осознанием того, что Библия есть Слово Божие. Реформатское богословие — это библейское богословие в подлинном смысле этого термина. Поэтому не удивительно, что я начну с нескольких кратких замечаний о предельном уповании и ожиданиях грядущего в библейской перспективе.

При этом я вполне сознаю, что было бы неправильно и даже, наверное, опасно говорить о Библии так, как если бы

это была одна книга, написанная одним автором и содержащая одно послание. Но если мы посмотрим на Библию как на единое целое, чтобы попытаться определить общие контуры содержащегося в ней учения о надежде, обращая при этом внимание не только на те надежды, о которых говорится в различных местах Библии, но и на то, как Библия живет в свете надежды, то, по всей вероятности, на нас произведет большое впечатление прагматичность ее подхода — как к человеческой ситуации, так и к тому, что может ее исправить. Библия знает и хрупкость жизни, и пределы жизни, и предлагает, где-то косвенно, а где-то в форме прямого указания, практическую и надежную стратегию жизни в этих условиях. Согласно Священному Писанию, тщетно возлагать надежду на богатство, ибо «надеющийся на богатство свое упадет» (Прит 11:28). Равно как и на города, ибо «город спустится в долину» (Ис 32:19); или на коней, ибо они не достаточно быстры, чтобы уйти от Святого Израилева (Ис 30:15); или на князей, в которых «нет спасения» (Пс 145:3); или на воинства и державы, ибо это «люди, а не Бог... плоть, а не дух» (Ис 31:3); и даже на Храм Сиона, которому всегда, когда он не служит бедным и угнетенным, угрожает участь сделаться «вертепом разбойников» (Иер 7:11).

Этот практический реализм в отношении возможностей, открытых личному и общественному существованию в истории, резко контрастирует с легкомысленным оптимизмом, порождаемым современными культурами, которые стремятся решить все человеческие проблемы с помощью достижений в области коммуникационных технологий, антибиотиков, генной инженерии, компьютеров, новаторских экономических и политических теорий и множества изобретений, обеспечивающих телесный комфорт. Вот рекламный лозунг, который много лет использовала одна американская химическая корпорация: «Создавая лучшие вещи, химия делает жизнь лучше». Но ни одна «лучшая вещь» еще не смогла сделать жизнь лучше — таких примеров не зафиксировано. Нельзя найти решение какой-либо из важнейших человеческих проблем с помощью химии или каких-то других научных достижений — они не помогут ни отдельным людям, ни обществам преодолеть границы жизни или последствия греха и зла. Гораздо более реалистичный подход к человеческой ситуации предлагает нам псалмопевец: «Только в Боге упо-

каивайся, душа моя! ибо на Него надежда моя» (61:6); и именно эту альтернативу я хочу рассмотреть в своем выступлении.

Поспешу заметить, что христианская Церковь никогда не понимала 61-й псалом как оправдание для того, чтобы самоустраниться из истории. Она никогда не понимала это «успокоение в Боге» как отсутствие сострадания и заботы по отношению к миру. Напротив, она постоянно осуждала «акедию» — беззаботность и леность, уход от ответственности — как грех. На протяжении веков христиане расходились во мнениях и до сих пор расходятся, отвечая на вопрос, что требует от Церкви это «успокоение в Боге», и эти разногласия во многом объясняет плюрализм христианского свидетельства, который обогащал Церковь и ставил перед ней непростые задачи в различные эпохи и в разных местах. Реформатская традиция, которую я представляю, истолковывает это успокоение как призыв Бога к Церкви воплотить то, что Бог сделал для обновления падшего мира, в своей институциональной жизни и в жизни общества, частью которого церковь является. Этот процесс обновления, включающий изменение и рост, движимые Святым Духом, есть благодать освящения.

В реформатской традиции освящение часто определяется не только эсхатологически, но и прагматически как должное (то есть определенное Божественным замыслом) использование индивидуального существования, а также институтов, благ, случайных обстоятельств и возможностей, предоставляемых обществом. Освящение осуществляется в индивидуальной и церковной жизни как *vocatio* — призвание, такой взгляд на жизнь, который просвещен убежденностью в том, что Бог призывает нас не только к каким-то определенным образам существования, но и к таким образам жизни, которые воплощают в себе, пусть и неполно, волю и намерения Бога. Этот подход к повседневной деятельности делает верность и ответственность практическими средствами, с помощью которых Церковь исповедует свою веру. И самые скромные задачи (например, подготовка зала для нашей конференции), и великие (например, управление государством или составление его законов) понимаются как значимые в очах Божиих и потому заслуживающие того, чтобы мы посвятили им наши самые высокие намерения, решения и деяния.

Это повышенное внимание к освящению в опыте реформатской традиции стало той почвой, из которой выросло представление о святом сообществе. Идея, лежащая в основе этого представления, состоит в прагматичном подходе к христианской надежде, ни в коей мере не отрицающем ее эсхатологические истоки и судьбу, а именно в том, что в мире должны и могут быть лучше выражены замыслы Бога по сравнению с тем, как это происходит сейчас. Конечно, замыслы Бога ожидают своего исполнения за пределами истории в конце времен, однако и до этого не все потеряно. Мир не только должен, но, благодаря присутствию и силе Духа, может более ясно обнаруживать волю и намерения Бога. Учение об освящении, понимаемом и как личная, и как социальная реальность, дало христианам живое чувство призвания, которое сделало их отношение к практическим аспектам жизни в этом мире в высшей степени серьезным.

Разумеется, освящение без оправдания всегда опасно, как для Церкви, так и для мира, в котором она живет. Оправдание, так же как и освящение, охватывает как наше публичное, социальное существование, так и нашу частную, личную жизнь. Именно реальность Божией благодати и обетования прощения грехов позволяет Церкви энергично участвовать в делах мира, не становясь ни фанатичной, ни самодовольной. Так называемый протестантский принцип, согласно которому Бог судит добрых и злых, консерваторов и либералов, слабых и сильных, бедных и богатых, является основанием общественного свидетельства Церкви. Сама Церковь, по крайней мере, в реформатском понимании, не обладает абсолютным иммунитетом по отношению к недугам властолюбия, эгоизма, а также самооправдания в том и другом. Неоспоримый факт человеческого греха опроверг бы любые претензии на освящение, если бы не благодать оправдания, «потому что все согрешили и лишены славы Божией» (Рим 3:23). Как хорошо знал Мартин Лютер, мы согрешаем не только в наших худших поступках, но и в лучших. Это значит, что христиане должны быть самокритичны, то есть критически относиться к тому, что они планируют и делают, памятуя о том, что и сами они нуждаются в прощении грехов. Убежденность в сочетании с покаянием и смирением — этот тот великий вклад, который Цер-

ковь может внести в решение различных проблем и в осуществление различных проектов, касающихся социального порядка.

2.

Если это может быть принято как значимое выражение взглядов хотя бы части христианского сообщества, а именно, утверждение о том, что учение об освящении и призвании может привести к активному участию Церкви — словом или делом — в общественной жизни, то остается вопрос: для чего? И с какой степенью надежды? Чего Церковь должна ожидать от общества? Какой реакции на свое свидетельство Церковь может реально ожидать?

Рейнхольд Нибур, американский богослов и исследователь этических проблем, ныне покойный, который оказал огромное влияние как на Церковь, так и на общество моей страны, особенно в середине XX века, неоднократно напоминал нам о важной особенности христианской этики: она не рассматривает историю как норму. Христианство выступает с поразительным утверждением: в жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа господство Бога над историей было раскрыто и установлено силой Святого Духа. В этом раскрытии и установлении воли и власти, управляющей всей историей, индивидуальное и социальное существование лицом к лицу встретилось со своим глубинным смыслом и целью. Христианская вера утверждает, что тот же Христос, Который раскрывает и устанавливает господство Бога над историей, является нормой всякого бытия — и общественного, и индивидуального. Это значит, что исполнение исторического бытия возможно только через милосердие и силу Бога. В конечном счете, вопрос не в том, есть ли у жизни смысл. Он должен быть, иначе никто из нас, присутствующих в этом зале, не жил бы так, как он живет. Вопрос не в том, есть ли у жизни смысл, а в том, не является ли этот смысл в конечном счете трагическим. Потому что, если, в конечном счете, смысл жизни трагичен, тогда «надежда, которая внутри нас», — не более чем злая шутка, которую сыграли с человеческим духом энергии, беспорядочно и случайно действующие в мире, не имеющем ни ценности, ни цели. Христиане возлагают большие надежды на мир, потому что они были

выведены через трагедию за пределы трагедии — посредством Креста Христова к победе Всемогущего Бога. Именно это раскрытие и установление господства Бога над природой и историей, над личной жизнью и общественным бытием позволяет христианину понимать жизнь во всем ее величии и ужасе, не соблазняясь ее красотой и не приходя в отчаяние от ее трагизма.

Церковь оказывается перед двумя соблазнами, когда она пытается выявить исторические данные, подтверждающие, что Иисус Христос не только раскрыл, но и установил господство Бога в мире и над миром. С одной стороны, признавая радикальную поврежденность всей жизни грехом и злом, христиане могут соблазниться желанием снять с себя ответственность и не пытаться добиться на грешной земле сносного (пусть и не идеального) мира, частичной (пусть и неполной) справедливости, относительного (пусть и не совершенного и не самого прочного) примирения между народами в социальном плане. Они смиряются с тем, что им приходится жить отстраненно, поддерживая лишь слабую связь с погрязшим в суете миром, и молиться, надеясь лишь на будущее избавление. Они соблазняются желанием уйти из мира в духовные или материальные убежища, построенные ими самими, практически, хотя и с молитвой, оставляя мир на произвол судьбы. Но может ли христианское благовестие, трансцендентное по отношению ко всем социальным ситуациям, но, тем не менее, выдвигающее конкретные требования в отношении каждой из них, — может ли оно быть убедительно возведено Церковью, не разделяющей тяготы личных, общественных, политических и экономических ситуаций, в которые вовлечены ее члены?

Второй соблазн диаметрально противоположен пессимизму, но таит в себе не меньшую угрозу. Это соблазн чрезмерного оптимизма в отношении возможности осуществления воли и замыслов Бога в истории. Иногда христиане бывали слишком уверены в способности человеческого разума или религии упорядочить природные инстинкты и превратности истории. Они пришли к выводу, что основная беда человечества — это несовершенные структуры, неэффективно работающие организации, плохое руководство или неправильная политика. Они были уверены, что стоит все это исправить, как появится идеальное или, по меньшей мере, хорошее об-

щество. Они слишком плохо понимали то обстоятельство, что возможности, открытые для общественной, политической и экономической жизни, в значительной степени определяются политической, социальной и религиозной историей конкретного народа. Они преуменьшали значение таких общечеловеческих свойств, как алчность, властолюбие, самооправдание, эгоизм, зависть, гордыня.

И пессимизм, и оптимизм заводят Церковь в ловушку, и это ставит под угрозу ее евангельское свидетельство. Пессимистическое отношение к миру часто ведет Церковь к цинизму и отчаянию, так что она беспомощно взирает на самые разрушительные силы мира и в конечном итоге отдает бразды правления греху. Оптимизм нередко приводит к фанатизму, характерному для тех, кто воображает, что обладает всей истиной и может построить идеальный мир.

Согласно христианской вере, жизнь была и всегда будет фрагментарной, мучительной, несовершенной и полной разочарований. В ней можно различить отсветы совершенства, обетованного Царством Божиим, но сама по себе она постоянно напоминает о том, что этого невозможно добиться человеческими усилиями. Приведем слова Рейнхольда Нибура: «Ничто из того, что стоит делать, нельзя в полной мере осуществить в течение нашей жизни, поэтому мы должны спастись надеждой. Ничто истинное, прекрасное или благое не является в полной мере осмысленным в непосредственном контексте истории, поэтому мы должны спастись верой. Ничто из того, что мы делаем, как бы добродетельно это ни было, не может быть сделано в одиночку, поэтому мы спасаемся любовью. Ни один добродетельный поступок не является столь же добродетельным с точки зрения нашего друга или недруга, каким он является с нашей точки зрения. Поэтому мы должны спастись наивысшей формой любви, то есть прощением»¹. Церковь трудится ради того, чтобы Царство Божие вошло в историю, но она не ожидает его полного осуществления здесь. Церковь трудится ради частичного исполнения и ожидает совершения всех вещей тогда, когда Троиственный Бог вовлечет все сущее в радостное сопричастие Божественной жизни.

¹ *Reinhold Niebuhr. The Christian In Politics. On Politics, P. 206.*

3.

Но, возможно, кто-то спросит: что вы понимаете под «частичным исполнением»? Ведь прагматический подход к христианской надежде должен позволить более конкретно и с точки зрения практики определить, что может Церковь реально ожидать от мира.

Историк Герберт Баттерфилд как-то заметил, что самое большое влияние, которое Церковь оказывает на общество, является побочным продуктом ее миссионерской и духовной работы. Церковь лучше всего служила цивилизации, по мнению Баттерфильда, «не в тех случаях, когда сознательно делала цивилизацию объектом своего воздействия, а когда уделяла главное внимание спасению душ и проявляла наибольшую готовность предоставить все остальное воле Провидения»¹. Иными словами, наиболее сильное влияние Церкви на общество представляет собой косвенное следствие искупления во Христе и общественного богослужения. Искупление во Христе означает оправдание и освящение, которые открывают человеку глаза и на ограниченность человеческого существования, и на заложенные в нем возможности. С одной стороны, оправдание или прощение вторгаются в общественное устройство, создавая напряженность между требованиями порядка и милосердием. С другой стороны, освящение изменяет общество по мере того, как меняется жизнь конкретных людей. А богослужение, как выразился Жан Кальвин, есть «внешнее средство, с помощью которого Бог призывает нас в общество Христа и удерживает нас в нем». Богослужение имеет социальные и политические последствия в том смысле, что оно сопоставляет жизнь в обществе Христа с жизнью в обществах нынешнего века и призывает людей воплотить качества, присущие жизни в обществе Христа, в своей жизни в истории.

Поэтому, если где-то на полпути между пессимизмом и оптимизмом Церковь продолжает надеяться на осуществление того невидимого, во что она верит, то это потому, что искупление во Христе и богослужение предполагают дар и действие Святого Духа. Да, у Церкви нет особых оснований надеяться на окончательное торжество человеческих усилий,

¹ *Herbert Butterfield. Writings in Christianity and History. P. 167.*

но она возлагает все свои надежды на действие Святого Духа. Историческая реальность греха в жизни искупленных никогда не затмевает христианского упования на то, что Святой Дух может сделать и будет делать ради осуществления тех целей, для которых Господь Бог сотворил небо и землю.

Прагматический подход к христианской надежде начинается, таким образом, с утверждения, что Церковь оказывает наибольшее влияние на общество тогда, когда Церковь является Церковью. То есть, Церковь в наибольшей степени противостоит искажению Божия творения и наиболее глубоко свидетельствует о Божией воле и замыслах в отношении индивидуального и общественного бытия, когда она сопротивляется различным попыткам сделать ее чем-либо иным, нежели Церковью, — клубом, корпорацией, политической партией, чем-либо еще — и когда со всей энергией посвящает себя таким делам, как общественное богослужение, проповедь Евангелия, преподавание таинств, учительство, братское общение, миссионерство, образование, молитва, душепопечение, диакония, пророческое размышление и, временами, символические действия.

Чего может ждать Церковь от общества?

Во-первых, когда Церковь есть Церковь, она может реально ожидать увеличения воздействия благодатных средств на личную и общественную жизнь. Иными словами, если Троичный Бог реально действует в том мире, где мы живем, нельзя не ожидать некоторых признаков этого в жизни отдельных людей и общества в целом.

В Церкви, к которой я принадлежу, «благодатные средства» обычно включают в себя возвешение Слова Божия, совершение таинств Крещения и Вечери Господней, а также молитву. Вы, вероятно, пожелали бы расширить этот список, включив в него другие средства, с помощью которых Святой Дух обновляет Церковь и возрождает мир. Даже в рамках реформатской традиции один голландский богослов (Хендрик Беркхоф) предлагал более прагматичное определение средств благодати, добавляя к ним такие практические «средства», как совместная трапеза, христианская беседа, в том числе высказывание и принятие слов утешения, церковное собрание и диакония — служение нуждам ближнего. Как бы то ни было и как бы не определять средства, с помощью которых Святой Дух собирает и поддерживает Церковь, я не

вижу причины для того, чтобы не ожидать усиления их влияния, если Церковь верна своему призванию быть Церковью и если Духу это угодно.

Во-вторых, когда Церковь удовлетворяется тем, что она — Церковь, она может ожидать развития и утверждения в обществе христианских представлений. Это тесно связано с действенностью благодатных средств. Вполне возможно, что различие между святыми и обычными людьми заключается в следующем: святые делают то, что обычным людям не приходит в голову сделать. Призвание Церкви, по крайней мере, отчасти, — оказать такую помощь людям, чтобы им «пришло в голову сделать» что-то, что достойно отразило бы основные принципы и символы христианской веры. Умножение ярких образов, открывающих возможности для утверждения справедливости, добра и истины в обществе и находящихся выражение в искусстве, в образовательных и социальных институтах, в политических и экономических теориях и практике, а также в семейной жизни, — это то, ради чего Церковь может трудиться, на что она может надеяться и чего ожидать.

В-третьих, когда Церковь есть Церковь, она может рассчитывать на то, что возможности, открытые для истории, будут расширены благодаря ее видению преображенной жизни. Социальные и политические системы и процессы либо способствуют, либо препятствуют осуществлению Божиих замыслов о мире. Они либо укрепляют, либо ослабляют ту свободу и ответственность, которые необходимы тем, кто призван быть служителями Божьего творения. И они не являются вечными и неизменными. Общества, как и люди, подвержены переменам.

Там, где есть убедительно представляемые альтернативы, там, где диалог и критику не просто допускают, но и поощряют, остается открытой возможность придать структурам и процессам более гуманный и справедливый характер. Христианская Церковь есть то сообщество, которое выступает с требованиями и критикой в отношении обществ нынешнего века с точки зрения «Царства не от мира сего». Задача Церкви, таким образом, состоит в том, чтобы внутри социального порядка быть постоянным напоминанием о Божественной воле и Божием замысле о мире, как они выражены в Св. Писании, предании, литургической практике и в общинной

жизни. Исторические данные всегда неоднозначны, но, думаю, можно утверждать, что всегда и всюду, где пророческий голос Церкви бывает услышан обществом, коррупции и тирании приходится нелегко и, таким образом, открывается путь для лучшей альтернативы. Именно библейское видение Царства Божия — где «волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок и молодой лев и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис 11:6), — четко выраженное Мартином Лютером Кингом, афроамериканским баптистским проповедником, показало моей стране «лучшую альтернативу» расовой сегрегации и привело к радикальным социальным и политическим переменам.

Все три великих утверждения, через которые христианская надежда передавалась из поколения в поколение, имеют прагматическое, реалистическое и практическое значение, указывая на то, как Церковь должна жить здесь и сейчас.

Парусия, или Второе пришествие, Иисуса Христа выражает убежденность в том, что история в конечном итоге не бросит вызов своей собственной норме. «Жертва Христа и Его триумфальное возвращение», по словам Рейнхольда Нибура, являются «выражением веры в достаточность господства Бога над миром и историей и в конечное торжество любви над всеми силами самолюбия, препятствующего в настоящее время всеобщей гармонии, которая соответствует воле Божьей»¹.

Страшный Суд указывает на то обстоятельство, что историю будет судить Иисус Христос и никто другой, что есть такое различие между добром и злом, которое только Он может ясно определить, что искупление человеческой истории должно быть совершено не нами, а Им.

Телесное Воскресение утверждает фундаментальную значимость этой исторической жизни. Оно выражает убежденность в том, что историческая жизнь исполняется, а не уничтожается в смерти, что, какой бы ни была уготованная нам вечная участь, она будет включать в себя не только разрыв с нашим историческим существованием, но и преемственность по отношению к нему.

Таким образом, Церковь живет убежденностью в том, что Царство Божие было установлено в истории Иисусом Хрис-

¹ Reinhold Niebuhr. *The Nature and Destiny of Man*. P. 290.

том и что это Царство явится в полноте своей славы в конце истории. Но пока что Церковь старается силою Духа Святого достичь в своей собственной жизни и в жизни общества частичного исполнения Царства, которого она ожидает и о котором молится, готовясь к тому времени, когда всякое колено преклонится и всякий язык исповедует, что Иисус Христос есть Господь во славу Бога Отца.